

Все, что следит за современной литературой Запада, знает о том, каким мучительным идейным метаниям подвержены порой крупнейшие художники слова. Бездуховность окружающей жизни, с одной стороны, и отсутствие четких социальных ориентиров, с другой, толкают людей талантливых, внутренние честных, но подверженных внешним влияниям и легко ранимых, к безудержному пессимизму или к поискам спасения в различных умозрительных концепциях и культах. К тому же представители западной интеллигенции зачастую, стараниями буржуазной прессы, располагают искаженными представлениями о развитии мировых событий, о подлинной расстановке сил на международной арене.

В своих известных советскому читателю книгах, таких, как «Утопия 14», «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей», «Колыбель для кошки», и других, видный американский писатель Курт Воннегут неизменно оставался на позициях критики буржуазной действительности, гневно обличая милитаризм и влечение денег. Однако в некоторых публичных выступлениях и заявлениях для печати он, случалось, совскался на тон недоверия и разуму человечества, делал досадные политические промахи и скоропалительные, не основанные на фактах выводы. Не составляет исключения и интервью К. Воннегута, опубликованное американским журналом «Нейшн»: отдельные его положения носят противоречивый характер. И тем не менее нельзя не отметить буквально в каждой строке терзающую писателя боль за судьбы мира перед лицом ядерной опасности, нависшей над человечеством.

К. Воннегут говорит, что «людям не нравится жить». Полагает, что эти горькие слова выразили у него не столько покаяние, сколько «черному юмору», окрашивающему многие страницы его книг, сколько в знак протеста против равнодушия обывателей и против безответственных действий буржуазных политиков, которые упорно продолжают безразличный курс на новую эскалацию гонки вооружений. Но суть не в отдельных высказываниях — суть в том, что писатель яростно выступает против близящейся, как он считает, «бойни номер шесть».

Ниже мы перепечатываем (с сокращениями) интервью Курта Воннегута, которое он дал журналу Роберту К. Мьюзилу.

МЬЮЗИЛ: Нелегко, наверное, было написать такую книгу, как «Бойня номер пять». Как вам пришлось в голову описать события в Дрездене?

ВОННЕГУТ: Я, вероятно, был обязан написать о Дрездене, о бомбардировке Дрездена, ибо эта бомбежка была самым массовым в истории Европы убийством, а я писатель и европеец по происхождению, — ее живой свидетель. Я не мог не рассказать о ней. Это было для меня мучительно и отняло немало времени. Основная трудность была в том, что я почти все забыл. И понял, что в нашем мозге есть некое устройство, которое, выключаясь, в известной мере избавляет нас от запоминания подлинной катастрофы. То ли это ограничение нашей нервной системы, то ли действительно своего рода защитный механизм — не знаю. Но я на самом деле ничего не помню о бомбардировке Дрездена, хотя присутствовал при ней и делал все возможное, чтобы восстановить в памяти информацию, — разве что не нанимал гипнотизера. «Помогите вспомнить», — обращался я к Дрездену, прошедшим через ад бомбы, но каждый раз мне отвечали отказом, категорическим и однозначным отказом. Люди не хотели вспоминать о пережитом.

По-видимому, я был единственным, кому не было наплевать на бомбардировку Дрездена, ибо я не нашел ни одного англичанина, ни одного немца, который оплакивал бы этот город.

МЬЮЗИЛ: Вы сами не сбрасывали бомбы, но общались с бомбейцами. Любопытно узнать, не личный ли дрезденский опыт вызвал у вас, мягко выражаясь, особый интерес к Хиросиме или к проблемам, связанным с атомным оружием? Существует ли здесь какая-либо сознательная связь, подобная той, которая отражена в «Колыбели для кошки»?

ВОННЕГУТ: Думаю, что интерес возник бы в любом случае. Дрезден в моей жизни — это просто случайное стечение обстоятельств. Так или иначе, я был бы пацифистом. Я обучался техническим наукам: по образованию я химик, а не писатель. Я прихожусь из семьи технократов, мой старший брат стал известным ученым.

И именно потому, что я искренно верил в технический прогресс, я ужаснулся, наблюдая за применением этого прогресса для уничтожения города и убийства 135 тысяч человек, а позднее — еще более изощренных технических достижений для атомной бомбардировки Японии. Мне было до боли досадно за подобное использование техники, на которую я возлагал такие надежды. Это, знаете ли, все равно, что быть благочестивым христианином и стать свидетелем страшных бесчинств, творимых христианами после победы. Подобное чувство духовного отпадения я несу в себе по сей день...

МЬЮЗИЛ: Вы упоминали о религиозных и философских ценностях. В конце «Колыбели для кошки» Боннегут говорит о написании истории человеческой глупости...

ВОННЕГУТ: Видите ли, книга с таким названием действительно существует. Она на-

зывается «Краткое введение в историю человеческой глупости» и была опубликована в тридцатые годы. Самое отвратительное, на мой взгляд, лицемерие, самое ужасное, самое опасное лицемерие состоит в том, что никто не отваживается упомянуть вслуш об истине, пронизывающей самое основу нашего бытия: людям не нравится жить.

В своих рассуждениях о

Курт ВОННЕГУТ

ЛЮБВИ ДОЛЖНО БЫТЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ СМЕРТИ

свойственным людям стремлению к смерти Бертран Рассел, равно как и многие психоаналитики, обошел этот вопрос стороной. Но я думаю, что доброй половине живущих на земле людей, а может быть, даже и всем девяти десяткам, на самом деле отнюдь не улыбаются проходить через испытание жизнью. Они делают вид, что оно их где-то устраивает, что им нравится презирать других и каждое утро вставать в надежде выжить, а надежде хоть как-нибудь пройти через новый день. Но для большинства людей жизнь — слишком тяжелое испытание. С таким же успехом они могли бы в любой момент с ней покончить. Те из вас, кто борется за мир и тому подобное, сталкиваются с другими, не первый взгляд столь же решительными, смелыми, изобретательными и мыслящими, как вы сами. А на деле эти люди желают лишь одного: уйти от всего, погасить свет жизни, как гасится электричество — простым нажатием кнопки.

МЬЮЗИЛ: Значит, вы считаете себя фаталистом? Во всех ваших книгах звучит фраза: «Тан уж заведен». Но в чем заключается смысл данного лейтмотива, если учесть, куда мы идем, оснащенные атомным оружием?

ВОННЕГУТ: Когда я связываюсь в какое-либо дело, я вынужден принимать во внимание тот факт, что многих из тех, кто меня окружает, последствия происходящего вовсе не беспокоят. К людям, защищающим жизнь, я отношусь с недоверием, в этом плане я пессимист. Я думаю, что людей, которые ждали бы, чтобы жизнь продолжалась, не так уж много.

МЬЮЗИЛ: В «Колыбели для кошки» введен рассказчик, который якобы работает над книгой о том самом дне, когда на Хиросиму упала бомба, и пытается выяснить, что делали и великие ученые вроде вымышленного вами отца атомной бомбы доктора Феликса Хоннигера. Как зародился этот роман и почему вы выбрали такого рода акцент?

ВОННЕГУТ: ...Прообразом доктора Феликса Хоннигера в какой-то степени послужил человек, с которым работал мой брат, — нобелевский лауреат по имени Ирвинг Лэнгмюр. Лэнгмюру было

абсолютно безразлично, какое применение могут найти открытые им истины, и он доверял их кому угодно, кто оказывался поблизости. Каждое его открытие само по себе было изыскным, и ему было наплевать на то, чья очередь воспользоваться этим открытием.

Я думаю, что литературные и драматические стереотипы играют в нашей жизни большую роль, чем мы это себе воображаем. Мне кажется, сначала были придуманы литературные образы «настоящих ученых» и анекдоты о рассеянных профессорах, а уж потом многие ученые с удовольствием надели на себя шаблонные маски рассеянности и безразличия, в частности и безразличия к дальнейшей судьбе своих открытий. Люди этого типа не заботились о том, какую информацию они передают в руки правительства, министерства обороны, военного командования или куда бы то ни было. Однако вскоре после окончания войны Норберт Винер опубликовал в журнале «Атлантик» статью, в которой писал: «Никогда впредь я не буду сообщать ничего моему правительству». С тех пор, я думаю, ученые стали более осторожными. Таким стал и мой брат. Его глубоко возмутило то, что, когда во время войны силы размышляли над территорией Стрэнды Йодисте веретна, стрелял народ на колени. Идея эта, как вы понимаете, абсолютно абсурдна. Но брату

красивое изображение конца света, сопровождавшееся сентиментальной песенкой. По идее эта концовка должна была звучать иронически, но большей части публики и вообще большинства людей эта сцена показалась по-настоящему красивой. Конеч света стал очаровательным, волнующим и трогательным зрелищем, и оно никого не заставило содрогнуться от отвращения. Неумышленно, а может быть, и сознательно Кубрик создал фильм, после которого зрители расходятся по домам полностью удовлетворенные. И я убежден, что каждый, кто посмотрел картину, спит в уверенности, что ничего более предпринять не захочет и не нужно.

МЬЮЗИЛ: Беспокоит ли вас проблема распространения оружия и его использования как-нибудь по-иному, не как писателя?

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ

Плакат художника В. СКРЫЛЕВА

была отвратительна сама мысль о том, что его открытие пытались использовать в разрушительных целях.

МЬЮЗИЛ: Но вы все же считаете — или по крайней мере так считает рассказчик из «Колыбели для кошки» — что если Хоннигер был отцом атомной бомбы, то он не мог быть так уж невинен?

ВОННЕГУТ: Сегодня по поводу Хоннигера я сказал бы, что ему было дозволено сконцентрироваться на одной стороне жизни больше, чем можно позволить любому человеческому существу. Благодаря своей сверхспециализации он стал сверхличностью. Вполне нормально видеть музыканта, полностью погруженного в свой внутренний мир. Но если подобное случается с ученым, то он поневоле становится опасным нарушителем.

МЬЮЗИЛ: Как вы относитесь к угрозе атомной войны? Возражает ли, на ваш взгляд, эта угроза и тревожит ли она вас?

ВОННЕГУТ: Безусловно. Меня вечно поражает безразличие людей к этой угрозе. Можно рассуждать о различных трактовках фильма «Доктор Стрэнжлив», но я вам скажу, что публику в нем больше всего удовлетворило

ВОННЕГУТ: К тому времени я уже сошел на родную землю. Я был освобожден из плена в мае, но домой не смог попасть раньше середины июня. Бомба была сброшена в августе, и я тогда не ходил дома в отпуск. Мне довелось видеть бомбежки, и поэтому, когда Трумэн говорил о военных объектах, которые мы якобы должны были поразить в Хиросиме, я уже знал, что это чушь собачья...

МЬЮЗИЛ: Можно ли оповестить людей о ядерной угрозе, о том, что мир на самом деле может взорваться, не изменяя их психологически? Предположим, я прихожу к вам за советом и говорю: «Послушайте, мне бы хотелось предупредить людей об опасности этого самого ядерного оружия и я мог бы поставить фильм, написать поэму или выступить с речами — как лучше это сделать?»

ВОННЕГУТ: На мой взгляд, вы и такие, как вы, уподобляетесь вопиющему в пустыне, а вокруг лишь пыльные да деревья. Тех, кто любит жизнь, как я уже говорил, очень и очень мало. Азартная игра, и большинство людей не собирается играть в нее. **МЬЮЗИЛ:** Но что же заставляет вас прийти к такому выводу? Со времени описанных вами событий второй мировой войны пройден немалый путь — от фугасных бомб большого калибра до единичных, так называемых малых атомных бомб, а потом и до мегатонных ядерных, которых сегодня в мире насчитывается, наверное, около 50 тысяч. Не приходило ли лично вам в голову мысль: «Мы все-таки не сделали этого?»

ВОННЕГУТ: Но мы сделали это. Я имею в виду, что мы еще живы. Мы выжили, но вот надолго ли — я не знаю. Мне кажется, что весь мир сегодня живет подобно хроническому алкоголику: продержались еще один день, выжили — вот и неплохо. Мы проживаем день за днем, но сдерживающее начало в мире проявляется очень слабо. Если бы мы действительно были заинтересованы в том, чтобы жить и обрести покойствие, мы бы каждый день поздравляли себя не просто с тем, что прожили лишний день, а с тем, что благодаря нашим усилиям он прошел без бряцания оружием. Но такой сдерживающий центр отсутствует. Каждый день производится все больше оружия, все больше производится аргументов в его пользу, и все чудовищнее опаснее ложь, которую мы выслушиваем. Мы полностью военизированы, и рано или поздно что-то должно случиться.

В конце, над которой я сейчас работаю, рассказывается о мальчике, отец которого был помешан на оружии. В их доме хранились десятки ружей. Когда мальчику было одиннадцать лет, он тайком играл с одним из отцовских ружей, как-то раз зарядил его и пустил из окна мансарды. Выстрел убила домашнюю хозяйку, находившуюся за восемнадцать домов от мальчика. И этот случай навел на отпечаток на всю его дальнейшую жизнь и создал ему определенную репутацию.

Конечно же, такой склад оружия не имел права на существование. Просто мальчик оказался на планете, где этого неадекватного оружия в избытке, и ему бы сидеть рядом и не обращаться на него внимания. Оружие хотело, чтобы из него выстрелили, оно было создано, чтобы стрелять. У оружия не было никакого другого назначения, кроме как стрелять, и поистине невыносимо, когда столь коварное изобретение находится в пределах досягаемости любого человеческого существа.

Перевел с английского С. ТАРТАКОВСКИЙ